

УДК 008

Роль традиционных обрядов в восприятии жизни и смерти народами Среднего Поволжья

Лепешкина Лариса Юрьевна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Философия, история и правоведение»,
Поволжский государственный университет сервиса,
445017, Российская Федерация, Тольятти, ул. Гагарина, 4;
e-mail: lara_yura@list.ru

Аннотация

В статье акцентируется внимание на вопросе восприятия народами Среднего Поволжья жизни и смерти. Показывается, каким образом данное восприятие влияет на обряды жизненного цикла населения региона. Актуальность темы исследования связана с необходимостью анализа способов этнической идентификации в условиях глобализации и обострения всеобщего социокультурного кризиса. В этом случае изучение традиционных обрядов народов Среднего Поволжья показывает специфику межпоколенных и межэтнических отношений, уровень развития гуманизма на конкретной территории, что может быть использовано для создания программ по духовно-патриотическому воспитанию молодежи. Целью исследования является определение особенностей восприятия народами Среднего Поволжья жизни и смерти на примере обрядов жизненного цикла. В работе применен культурологический подход, позволяющий выявить культурный потенциал традиций волжан. В статье также используются следующие методологические приемы: принцип историзма, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, проблемно-хронологический и синхронный методы. Традиционные представления о жизни и смерти в Среднем Поволжье рассматриваются как отражение общего мифологического сюжета – борьба с неизвестным бытием. Особое значение автор придает вопросу о сопротивлении страху смерти. В ходе исследования автор приходит к следующим выводам: согласно традиционным представлениям народов региона жизнь воспринималась как подготовительный этап к загробному существованию; обряды жизненного цикла формировались вокруг одного мифологического сюжета – противостояние смерти и ее воплощениям в духах предков и неизвестном бытии; в XXI веке отношение к жизни и смерти теряет свою национальную специфику, что зависит от динамики культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Лепешкина Л.Ю. Роль традиционных обрядов в восприятии жизни и смерти народами Среднего Поволжья // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 95-106.

Ключевые слова

Среднее Поволжье, мифологический сюжет, обряды жизненного цикла, жизнь, смерть, этническая идентификация.

Введение

В настоящее время появляется множество публикаций о советской и российской повседневной культуре, однако, еще ряд вопросов остается нераскрытыми. Из этого ряда целесообразно обратиться к одному частному вопросу – восприятию народами Среднего Поволжья жизни и смерти. Его выбор обусловлен тем обстоятельством, что отношение к жизни и смерти показывает степень развития в конкретном этническом сообществе гуманистических ценностей, иными словами, выражает морально-нравственные качества той или иной социальной группы. Более того, в этом отношении запечатлен способ идентификации этноса, что придает заявленной теме исследования особую актуальность в условиях обострения всеобщего социокультурного кризиса и стремления к унификации межэтнических различий.

Проблемным полем в изучении отношения народов Средневожского региона к жизни и смерти является то, что в современную эпоху подвергается серьезной трансформации система взаимоотношений между людьми: от поддержания принципа коллективизма, успешно реализуемого в традиционном обществе и в эпоху социализма, осуществляется переход к культу индивидуализма, разрушающему прежний социальный порядок. Подобная тенденция находит отражение в восприятии жизни и смерти. Коллективная встреча житейских радостей и трагедий сменяется индивидуальным переживанием своего бытия. В результате современное суждение о жизни и смерти теряет способность к идентификации родовых и этнических связей. На этом основании цель предлагаемой публикации можно определить следующим образом: показать особенности восприятия народами Среднего Поволжья жизни и смерти на примере традиционных обрядов жизненного цикла.

Научная новизна исследования характеризуется тем, что для его осуществления впервые используется культурологический подход, позволяющий выявить культурный потенциал традиций волжан. В публикации также применяются следующие методологические приемы: принцип историзма, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, проблемно-хронологический и синхронный методы. Теоретическая значимость данной статьи состоит в углублении представлений в области культурологии,

связанных с проблемами генезиса обрядов жизненного цикла. Практическая значимость публикации определяется возможностью подготовки целевых программ сохранения культурного наследия Среднего Поволжья и духовно-патриотического воспитания российской молодежи.

Обряды жизненного цикла как способ бытия мифологических сюжетов

В научной литературе обряды жизненного цикла называют переходными, переломными и связывают с изменением социального статуса человека в результате рождения, инициации, вступления в брак и смерти [Геннеп, 1999; Элиаде, 1994; Тэрнер, 1983].

Характерной чертой данных обрядов является их связь с мифом. В частности, это подтверждают труды Дж.Дж. Фрэзера «Золотая ветвь. Исследования магии и религии» и «Фольклор в Ветхом завете», в которых представлен богатый этнографический материал [Фрэзер, Золотая ветвь..., 1980; Фольклор в Ветхом завете, 2003]. Многие обряды различных народов включают мифологические сюжеты или образы, имеющие устойчивый и широко распространенный характер: мифы о Мировом древе, добре и зле, жизни и смерти. Логика этих мифов свидетельствует о типичности человеческого мышления с точки зрения реакции на те или иные события: рождение ребенка, голод, эпидемия и др. В то же время среда обитания, природно-климатические условия делают восприятие какого-либо события особенным, глубоко индивидуализированным, т. е. этническим. Следовательно, общий мифологический сюжет, порожденный конкретным событием, находит разные, этнически обусловленные варианты символизации. Причем символы как зашифрованные источники информации характеризуют истинное отношение людей к событию.

Примечательно то, что мифологический образ посредством символизации предстает в обряде имплицитно. О его присутствии свидетельствуют лишь отдельные фразы, причитания, ритуальные действия. Вместе с тем именно эти вышеназванные элементы отражают способы этнической идентификации и морально-этические взгляды людей. Потребность в мифо- и обрядотворчестве есть стремление к пониманию окружающего мира и самого себя. Так, традиционная картина мира народов Среднего Поволжья мифоязычна по своей сути, поэтому обряды жизненного цикла волжан наполнены особыми представлениями о закономерностях человеческой жизни и смерти. Рассмотрим данные представления более подробно.

Традиционные представления о жизни и смерти

Понятия «жизнь» и «смерть» тесно переплетаются друг с другом в обрядах жизненного цикла народов Среднего Поволжья. Жизнь соотносится с категорией добра, а смерть соответственно – зла. Причем в обрядах жизненного цикла противостояние смерти превраща-

ется в краеугольный камень, вокруг которого концентрируются обрядовые действия. Так, вынашивание и рождение ребенка сопровождаются стремлением огородить его от влияния «нечистых», потусторонних сил, несущих болезнь и гибель. Например, у луговых мари беременной женщине запрещено лить воду из ковша направо, поскольку подобным образом обмывают покойника, и она может привлечь смерть. Если ребенок долго плачет или болеет, то его нужно переименовать для предотвращения несчастья. Более того, мертворожденному ребенку дается имя, чтобы он не превратился в лешего¹.

В первой половине XX века удмуртский ребенок имел несколько имен: первое – индивидуальное, второе – родовое или «воршудное» (от божества «воршуд»), передающееся от матери к дочери и от отца к сыну, третье – во время болезни, в качестве магического приема². В 50-е гг. XX века среди мордвы-эрзя встречалось такое явление, как угощение салмой (мучным изделием) 20 человек, собравшихся «посмотреть» новорожденного³. Данное «действие», по-видимому, было призвано символически обеспечить здоровье и благополучие ребенка.

Чуваши, когда человек рождается и умирает, разбивают над его головой куриное яйцо [Салмин, www; Денисов, 1959, 49]. В данном случае яйцо служит символом новой жизни – в реальном и сакральном мирах. Человек никогда не умирает, он лишь переходит из одного состояния в другое, поэтому яйцо благодаря своей округлой форме означает цикличность человеческого существования.

Другим примером из обрядности волжан, демонстрирующим непрерывность жизненного цикла, может являться имитация свадьбы у немцев, чувашей и русских на похоронах незамужней девушки. Данное ритуальное действие символизирует обретение умершей нового положения, которое до смерти ей было неизвестно. Причем поволжские немцы в первой половине XX века совершали венчание мертвых детей для избавления их от одиночества в загробном мире [Кагаров, 1936, 106].

Стремление к контролю над своей судьбой является важной составляющей в жизненном пространстве народов Среднего Поволжья. Каждый проступок человека отзовется ему в будущем. К примеру, чуваша долгое время верили, что грешные люди после смерти были обречены на голод, одиночество и страдание. Даже молитвы и поминовения живых родственников не могли им помочь. Как отмечал венгерский исследователь Д. Месарош, кто при жизни украл что-нибудь из одежды, тот обнаженным ходил вокруг своей могилы, и среди остальных покойников не находилось никого, кто бы его одел [Месарош, 2000, т. 1, 199]. Поэтому главной целью человека в земном существовании, по традиционным представлениям волжан, выступает контроль над своей жизнью, над своим поведением, который

1 Полевые материалы автора – Мишкинский район Республики Башкортостан, август 2013 г.

2 Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН). Ф.К.-1. Оп. 1. Д. 392. Л. 35.

3 Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (АИЭА РАН). Ф. 47. Оп. 12. Д. 1014. Л. 3.

будет гарантировать благополучное пребывание в загробном мире. Среди татар-мусульман распространено суждение, что только человек, следующий предписаниям Корана и обладающий смирением, терпеливостью, довольством, милосердием, щедростью, стремлением к знаниям (имеется в виду знание религиозное), почтением к родителям, покорностью жены мужу, чистоплотностью, целомудрием, может достичь рая [Тухватуллина, www].

Что касается самого восприятия смерти, то в традиционной культуре волжан она имеет свои имена: Эсрель (чуваш.), Азырен (мар.), Газраил (татар.), Навь (рус.) и т. д. Её образ наводит ужас, поскольку это убийца, отбирающий жизнь.

Для русского населения Среднего Поволжья смерть человека представлялась в качестве истощения жизненной силы. Выражение «избыть свой век» означало «полностью израсходовать отпущенную жизненную энергию» [Байбурин, 1993, 102]. Наравне с этим русские персонифицировали смерть, наделяли ее активным началом. Смерть могла носить имена (Мара, Навь и др.) или быть безымянной («девка», «старуха», «человек», «нечистый дух» и т.д.). Нередко смерть соотносилась с образом мертвеца, давно умершего предка, не находящего себе покоя на том свете [Топоров, 1987].

Кончину человека русские представляли как отделение души от тела. Этот момент фиксировался либо с помощью воды в чашке, поставленной у изголовья умирающего (акт «омоления души»), либо с помощью зеркала, так как душа покидает тело с последним вздохом [Афанасьева, 2009, 15]. Эти представления нашли отражение в таких обозначениях процесса смерти, как дух вон, испустить дух, издохнуть, сдохнуть [Мазалова, 2001, 134].

Суеверный страх перед смертью и одновременно борьба с нею определяли специфику похоронно-поминального обряда русских Среднего Поволжья до 1917 года. Здесь большое значение имели очистительные обряды, направленные на предотвращение смерти членов семейного коллектива и совершаемые после погребения покойника, а именно: уборка избы, мытье в бане, стирка белья и т. д. [Зорин, Лештаева, 1990, 115]. В обрядовых действиях «очищения» русские использовали магические и обереговые силы очага, огня и воды, что объяснялось важностью семейных отношений в жизни народа.

В этнических стереотипах русских, проживающих на территории Среднего Поволжья, выделяются такие категории, как «душа», «духовность», «душевность», «сердечность», «тоска». Эти черты русского национального характера глубоко запечатлелись в причитаниях, произносимых во время погребально-поминальных церемоний и отражающих отношение к смерти: «Родимая ты, моя матушка, ты раскрой очи ясные, подыми свои белы рученьки...», «Милый мой ясен сокол / На кого ты меня покидаешь / Со малыми со детками / Работнички они плохие...»⁴, «Кормилец то ты мой, батюшка! / Родимая ты, матушка! / Пойдёшь ты путём – дорожкой, / Дорожкой незнакомою...»⁵. Для русского народа плач по покойнику означал печальную песню утраты и невозможности победить смерть.

4 Научный архив Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК). Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2-3.

5 Архив Российского этнографического музея (РЭМ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 52. Л. 51.

Особенности сопротивления страху смерти в культуре Среднего Поволжья

Отличительным признаком традиционности в культуре Среднего Поволжья является осторожное отношение к смерти и воплощаемым ею существам – духам предков. Последние нуждаются в постоянном задабривании через жертвоприношение ради благополучного существования живых людей. Так, в татарской культуре получило распространение жертвоприношение кан чыгару (буквально «выпускание крови»), когда убивается баран во имя покойного [Этнография..., 2004, 139].

Луговые мари для поддержания добрых отношений с умершими предками совершают кровавые (в виде быков и баранов) и бескровные (блины) жертвоприношения в молельных рощах (Фото 1. Молельная роща луговых мари. Деревня Ирсаево Мишкинского района Республики Башкортостан). Более того, они украшают лентами и полотенцами священные деревья и намогильные столбы, что служит символом неразрывной связи с миром предков (Фото 2. Намогильный столб. Деревня Ирсаево Мишкинского района Республики Башкортостан).

Фото 1. Молельная роща луговых мари. Деревня Ирсаево Мишкинского района Республики Башкортостан. Фото автора

Фото 2. Намогильный столб. Деревня Ирсеево Мишкинского района Республики Башкортостан. Фото автора

Страх перед смертью или неизвестным бытием при смене социального статуса, присущий традиционному типу мышления и столь распространенный в Среднем Поволжье, заставлял и в некоторых районах региона заставляет людей выполнять многие обряды с особой точностью и скрупулезностью. Причем обряды, выступая способом сопротивления страху перед неизвестностью, обеспечивают осуществление в обществе следующих функций:

– гуманистическая, демонстрирующая морально-нравственные ориентиры социальной (этнической) группы. Прежде всего, это выражается в решении представителями той или иной культуры проблемы добра и зла, в их отношении к окружающим людям;

– идентифицирующая, отделяющую одну этническую группу от остальных;

– функция «социального порядка», регламентирующая жизненный мир этноса. Социальный порядок устанавливает определенные принципы существования для этнической группы. К ним могут относиться восприятие времени, пространства, природы, жизни и смерти;

– укрепление родственных связей между членами семейного коллектива;

– формирование основ взаимопомощи между односельчанами, общиной, родом.

Отношение к жизни и смерти в современном обществе

После 1917 года отношение народов региона к жизни и смерти существенно трансформировалось под влиянием политических и социально-экономических преобразований в России. Во многих культурах возникает стремление оградить человека от мыслей о своей конечности. Ожидание смерти и подготовка к ней становятся постыдным, осуждаемым в обществе явлением. Нередко изменяется место умирания. Человек теперь уходит из жизни, как правило, не в родном доме, а в больнице, в чужом пространстве [Федорова, 1991]. В результате смерть обезличивается, теряет свою национальную специфику.

Несмотря на то что часть обрядов жизненного цикла сохраняется в Среднем Поволжье и в настоящее время, она лишена искренности, поскольку слишком открытое выражение радости или горя в связи с определенным событием интерпретируется как «признак либо дурного воспитания, либо слабости, либо помешательства» [там же].

Более того, отношение к жизни и смерти современного общества достаточно широко отражает глобальная сеть Интернет. В ней создаются сайты, пропагандирующие виртуальное общение и высмеивающие смерть. Человек Играющий (*Homo Ludens*) и Потребляющий (*Homo Consumens*) готов пренебречь моральными принципами, сформированными предыдущими поколениями, и с жадностью поглощать жизнь и смерть, утрачивая свое этническое лицо в гонке бессмысленного потребления.

Следует обратить внимание на тот факт, что если этнические традиции теряют свое прежнее значение и воспринимаются в качестве устаревших, то современный человек начинает искать все новые и новые пути спасения от своей дискретности, например, через сектантство, через увлечение экстремистскими идеями. Тяга к сектантству или экстремизму – это своего рода прививка от небытия, дарующая ее обладателю ощущение романтики, приключения и вечной жизни. В традиционном обществе подобное ощущение создают обряды жизненного цикла, сосредотачивающие в себе мощное морально-этическое начало, а в индустриальном и постиндустриальном обществах пространство повседневности становится мозаичным, где преобладают «одномерное» сознание и культ потребления.

Заключение

Таким образом, исследование опыта традиционного отношения к жизни и смерти в Среднем Поволжье позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, весь жизненный цикл воспринимался волжанами как подготовительный этап к иному периоду существования в загробном мире, поэтому к смерти готовились заранее. Во-вторых, сама смерть представлялась коварной, зловещей, вызывающей сильный страх, в результате чего встреча с ней сопровождалась различными обрядами, четко разграничивавшими мир живых и мир мертвых. В-третьих, обряды жизненного цикла – родильные, инициационные, свадебные и

похоронно-поминальные – формировались вокруг одного мифологического сюжета – противостояние смерти и ее воплощениям в духах предков и неизвестном бытии.

Библиография

1. Афанасьева Л.А. Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2009. 27 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
3. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
4. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
5. Зорин Н.В., Лештаева Н.В. Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья (конец XIX – начало XX в.) // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (Историко-этнографические очерки). Казань, 1990. С. 104-121.
6. Кагаров Е.Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. 1936. № 1. С. 106-108.
7. Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 192 с.
8. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры: пер. с венгерского. Чебоксары, 2000. Т. 1. 360 с.
9. Салмин А.К. Жертвоприношение в традиционной жизни чувашей // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 143-151. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-202-9/>
10. Топоров В.Н. Заметки о похоронной обрядности // Балто-славянские исследования 1985. М.: Наука, 1987. С. 10-52.
11. Тухватуллина Л.И. Специфика этико-философских представлений в татарском обществе начала XX века / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. URL: <http://www.tataroved.ru/institut/islamoved/publ/6/>
12. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
13. Федорова М.М. Образ смерти в западноевропейской культуре // Человек. 1991. № 5. С. 25-41.
14. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 832 с.
15. Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом завете. Д. Вольпина. М.: АСТ, Ермак, 2003. 650 с.
16. Элиаде М. Священное и мирское. Н.К. Гарбовского. М.: МГУ, 1994. 144 с.
17. Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. 287 с.

The role of traditional rites in perception of life and death by the peoples of the Middle Volga region

Larisa Yu. Lepeshkina

PhD in History, Associate Professor,
Philosophy, History and Legal Science Department,
Volga Region State University of Service,
445017, 4 Gagarina st., Togliatti, Russian Federation;
e-mail: lara_yura@list.ru

Abstract

The article pays special attention to a question of perception of life and death by the peoples of the Middle Volga region. It is shown how this perception influences the life cycle rites of the population of the region. The importance of the research comes from the necessity to the analysis of ways of ethnic identification in the age of globalization and exacerbation of general sociocultural crisis. In this case studying of traditional rites of the peoples of the Middle Volga region shows specific features of the inter-generational and interethnic relations, the level of development of humanity in the concrete territory that can be used for creation of programs for cultivation of moral and patriotic values among the youth. The article aims at the determination of features of perception of life and death by the peoples of the Middle Volga region through the example of the life cycle rites. The author uses the culturological method that allows revealing the cultural potential in traditions of natives of the Volga region. The following methodological procedures are also used in the article: the principle of historicism, comparative-historical, logical, retrospective, problem-chronological and synchronous methods. Traditional ideas about life and death in the Middle Volga region are considered as a reflection of a general mythological subject – the fight against unknown life. The author lays special emphasis on a question of resistance to fear of death. The article results in the conclusion that the life was traditionally perceived in the Middle Volga region as a preparatory stage to postexistence. The life cycle rites were created by means of one mythological subject – the opposition to death and its personifications in spirits of ancestors and unknown life. Attitude toward life and death loses the national specifics in the 21st century that depends on dynamics of culture.

For citation

Lepeshkina L.Yu. (2016) Rol' traditsionnykh obryadov v vospriyatii zhizni i smerti narodami Srednego Povolzh'ya [The role of traditional rites in perception of life and death by the peoples of the Middle Volga region]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6A), pp. 95-106.

Keywords

Middle Volga region, mythological subject, life cycle rites, life, death, ethnic identification.

References

1. Afanas'eva L.A. (2009) *Terminologiya pokhoronno-pominal'noy obryadnosti chuvashy i drugikh narodov Uralo-Povolzh'ya (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo i etnolingvokul'turologicheskogo issledovaniya)*. Doct. Diss. Thesis [Terminology of funeral ritualism of the Chuvashes and other peoples of the Ural-Volga region (experience of contrastive-comparative and ethnolinguistic-culturological research). Doct. Diss. Thesis]. Cheboksary.
2. Bayburin A.K. (1993) *Ritual v tradicionnoj kul'ture: strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: the structural-semantic analysis of East Slavic ceremonies]. St. Petersburg: Nauka Publ.
3. Denisov P.V. (1959) *Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious beliefs of the Chuvashes. Historical-ethnographic essays]. Cheboksary.
4. Eliade M. (1987) *The Sacred and the Profane*. New York [Russ. ed.: Eliade M. (1994) *Svyashhenoe i mirskoe*. Moscow: MGU Publ.].
5. *Etnografiya tatarskogo naroda* [Ethnography of the Tatar people] (2004). Kazan: Magarif Publ.
6. Fedorova M.M. (1991) *Obraz smerti v zapadnoevropejskoj kul'ture* [An image of death in the West-European culture]. *Chelovek* [Human being], 5, pp. 25-41.
7. Frazer J.G. (1890) *The Golden Bough. A Study in Comparative Religion*. Macmillan Press [Russ. ed.: Frazer J.D. (1980) *Zolotaja vetv'. Issledovaniya magii i religii*. Moscow: Politizdat Publ.].
8. Frazer J.G. (1918) *Folklore in the Old Testament: Studies in Comparative Religion, Legend, and Law*. Macmillan and co. [Russ. ed.: Frazer J.D. (2003) *Fol'klor v Vethom zavete*. Moscow: AST; Ermak Publ.].
9. Gennep A. Van (1909). *Les rites de passage*. Paris: Émile Nourry [Rus. ed.: Gennep A. van. (1999) *Obryady perekhoda. Sistemicheskoe izuchenie obryadov*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.].
10. Kagarov E.G. (1936) *Venchanie pokoynikov u nemtsev Povolzh'ya* [The wedding of the deceased among the Germans of the Volga region]. *Sovetskaia etnografiya* [Soviet ethnography], 1, pp. 106-108.
11. Mazalova N.E. (2001) *Sostav chelovecheskij: chelovek v tradicionnyh somaticheskikh predstavleniyah russkikh* [The human composition: the person in traditional somatic representations of the Russians]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.
12. Mesarosh D. (2000) *Pamyatniki staroj chuvashskoj very* [Artifacts of the old Chuvash faith]. Vol. 1. Cheboksary.

13. Salmin A.K. *Zhertvoprinoshenie v tradicionnoj zhizni chuvashej* [A sacrifice in traditional life of the Chuvashes]. Available at: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-202-9/> [Accessed 28/05/14].
14. Toporov V.N. (1987) *Zametki o pohoronnoj obrjadnosti* [Notes about funeral ritualism]. In: *Balto-slavjanskije issledovaniya 1985* [Balto-Slavic studies 1985]. Moscow: Nauka Publ., pp. 10-52.
15. Tukhvatullina L.I. *Specifika etiko-filosofskih predstavlenij v tatarskom obshhestve nachala XX veka* [Specifics of ethic and philosophical representations in the Tatar society of the beginning of XX century]. Available at: <http://www.tataroved.ru/institut/islamoved/publ/6/> [Accessed 15/02/15].
16. Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka Publ.
17. Zorin N.V., Leshtaeva N.V. (1990) *Pogrebal'nyj ritual russkogo naseleniya Kazanskogo Povolzh'ya (konec XIX – nachalo XX v.)* [Funeral ritual of the Russian population of the Kazan Volga region (the end XIX – the beginning of XX century)]. In: *Semejnaya obryadnost' narodov Srednego Povolzh'ya (Istoriko-etnograficheskie ocherki)* [Family ritualism of the peoples of the Middle Volga region (Historical-ethnographic essays)]. Kazan, pp. 104-121.